

ОЛЕСЯ РУДЯГИНА

“ЕСТЬ В МИРЕ СЕРДЦЕ,
ГДЕ ЖИВУ Я...”

*Размышления о жизни после жизни А. С. Пушкина
в русском пространстве Молдовы*

*Над колыбелью пел щегол,
А было то — родное слово:
Летучий пушкинский глагол
И богатырский слог Толстого...*

Александра Юнко.

С тех пор, как зазвучала на молдавской земле русская поэтическая речь, главной её особенностью является кровная связь с Россией, ведь первым русским поэтом Молдавии литературоведы считают А. С. Пушкина. Исследователи насчитывают более 220 сочинений, написанных, начатых и задуманных в Кишинёве, в их числе четыре южные поэмы и шестнадцать первых строф романа “Евгений Онегин”. Какая из стран ещё обладает таким сокровищем?

“Наш собственный” Пушкин, легендарный бес арабский, чьи годы пребывания в южной ссылке расписаны биографами по минутам, безусловно, является для русскоговорящей читающей Молдовы фигурой ключевой, даже культовой. 6 июня, 10 февраля — между этими двумя датами проносится литературный год, интенсивно наполненный пушкинским содержанием, как ни в каком другом независимом государстве, и отнюдь не только по юбилейным поводам... Всё, что связано с именем поэта, здесь приобретает особое значение. Его историческая фигура вот уже почти два столетия играет роль неразрывного связующего звена между Россией и Молдавией, нравится это кому-то или нет, они породнились — родством с поэзией А. С. Пушкина. Это понял ещё в 1933 году Игорь Северянин, живший у нас в эмиграции, и, вписав образ дерзкого доброго гения в бурное кишинёвское цветение, воспрял духом, призвал современников скинуть с душ тоску и боль (а ведь “король поэтов”, как миллионы вынужденных эмигрантов, лишённый России, смертельно по ней тосковал!).

Ежеминутно ощущая,
Что в беспредельности степей
С цыганами, в расцвете мая,
Скитался тот, кто всех светлей,
Кто всех родней, чьё вечно ново,
Всё напоённое весной

Благое имя, что вишнёво,
Как вышний воздух Кишинёва,
Насыщенного белизной!

Только в контексте эпохи — потери родной земли, всего, что любил, — гибели Российской империи, ужасов революции, Первой мировой войны и гражданской, предчувствия очередной приближающейся катастрофы — мне кажется, можно понять глубину этих на искушённый взгляд чрезмерно восторженных и не слишком совершенных стихов.

Мемориальный дом-музей Поэта, недавно отметивший своё 70-летие, — место паломничества как туристов, так и жителей республики. Здесь проводится посвящение учащихся в лицеисты, великое множество выставок, литературно-музыкальных вечеров и встреч.

В Молдавии живёт немало удивительных людей, проводников культуры, посвятивших свои жизни изучению и популяризации наследия Александра Сергеевича. Это и знаменитый молдавский пушкинист Виктор Кушниренко; музеограф Марина Подлесная — неутомимая и страстная пропагандистка пушкинского Кишинёва, бессарабского периода жизни и творчества Поэта; менеджер культурных проектов Российского центра науки и культуры в Кишинёве, руководитель его Пушкинской аудитории Ольга Батаева, недавно отмеченная Президентом Республики Молдовы Игорем Додоном почётным званием “*Om emerit*”. Кишинёв — город особенный, а трёхлетнее пребывание Александра Пушкина под сенью здешних акаций, орехов, шелковиц, виноградной лозы, увивающей балконы и веранды, обрамило его, словно драгоценный камень, уникальной оправой. Все поэтические пути русскоговорящих литераторов и почитателей поэзии стекаются к памятнику в центральном городском парке, некогда носившем имя поэта, — бюсту работы А. Опекушина, копии знаменитого московского оригинала с Тверского бульвара.

Марина Подлесная собрала и недавно выпустила книгу с удивительным названием: “*Времена жизни кишинёвского памятника А. С. Пушкину*”, в которой собраны посвящённые Поэту стихи и графика. Почти два столетия поэты в задумчивости обращаются к Пушкину, сверяя свои поэтические часы. Вот строки молодого автора из Тирасполя, впервые попавшего в чужой ему Кишинёв:

Кудрявой бронзы тяжесть молодая,
колонна вместо тела твоего,
и светятся прозрачно и мертво
растрёпанные листья, опадая.
Уютны ль облетающие чащи?
Хорош ли сон, зовущий выше крыш?
Ты дружишь с клёном, с птицей говоришь,
но почему-то мне не отвечаешь.

А. Захарчук.

А вот совсем другое настроение, мысли и эмоции человека грозной военной эпохи Давида Ветрова (1913–1952). В его стихах знакомый всем кишинёвцам с детства памятник становится стержнем духовного сопротивления. В годы румынской оккупации и позднее, во время Великой Отечественной войны, он, построенный на добровольные пожертвования горожан, олицетворял для Ветрова спасительный образ Родины, светоносный образ грядущей Победы над фашизмом. Памятник переживал лихолетье вместе с горожанами, становился свидетелем преступлений вражеских орд:

В руинах город мой,
Мой тихий дом разрушен.
Над Пушкиным, в саду,
Проскрежетал снаряд.
Где я стихи слагал
У кучерявой груши
Десятки виселиц
Под вьюгою скрипят...

То, что памятник выстоял там, на родной оккупированной земле, захватчики которой методично уничтожали мирных граждан (по официальным данным, за годы оккупации пыткам и истязаниям были подвергнуты 207 тысяч жителей Молдавии, десятая часть населения), на земле, которую ещё предстояло с кровопролитными боями освободить, было для поэта-фронтовика глубоко символичным. Он клянётся:

Вернёмся мы назад
И дом отстроим снова.
И лиры Пушкина
Рассвет коснётся вновь...

Кстати, памятник Поэту воспринимался как символ России не только её друзьями, но и недоброжелателями. В конце недавно ушедшего века А. С. Пушкин принял на себя удар ненависти, выплеснутой националистами, — и едкой краской на его памятник, и позорными публикациями в изданиях определённого толка. А вступилась за поэта газета “Независимая Молдова”, главный редактор которой, уроженец приднестровского села, поэт-трибун, известный публицист Борис Мариан пронёс любовь к поэзии Александра Сергеевича через всю непростую жизнь. “*Читай Пушкина — человеком станешь!*” — сказал ему, мальчишке, на заре судьбы отец, подарив изумительную книгу с картинками. В самые суровые годы жизни Пушкин был собеседником и утешителем, мерилom добра и справедливости. Получив срок за участие в студенческой демонстрации протеста против вторжения советских войск в Венгрию в 58-м году, в течение 5 лет в Дубровлаге в Мордовии “опальный студент” не только учился терпению, мужеству, упорству и... стихосложению, но и получал уроки неподдельной интернациональной дружбы. Символично, что “потомок гордых даков” в своей книге “Тюремная тетрадь” использует цитату из знаменитого пушкинского стихотворения:

Одно лишь утешенье, кстати:
Со мною тянут срок, не миг,
И гордый внук славян в бушлате,
И финн, и друг степей калмык.

Мариан совсем не фигурально, а вполне реально судился за честь любимого поэта и отстоял её. “Пушкин один, а дантесов много”, — убеждён Борис Тихонович.

Перечитывая неординарную мистическую книгу “Избранник, или “Гений и злодейство”: детектив XIX века в письмах” блестящего журналиста и прозаика Елены Шатохиной, к сожалению, ушедшей после тяжёлой болезни, я задумалась над её словами в предисловии: “*Пушкин, как сильная вибрация, рождал вихри, невольно дразнил окружение своим гением, высвобождая в чужих душах не только чувства добрые, но потаённое, совсем не святого толка. Сколько противоречивых интересов боролось вблизи него! Так повелось от века и не скоро кончится: гений — щепотка раздражающей соли на чью-то рану самолюбия. Но пушкинское пространство жизни и окружение так мощно было им заряжено, что и почти 200 лет кипят вокруг его смерти нешуточные страсти, и все его современники, как Ахматова и предсказывала, стали нам интересны лишь потому, что имели к Поэту хоть какое-то отношение. Он даже своей гибелью всех построил... по рангу человечности, вот что он сделал*”.

Так происходит и поныне! Александр Сергеевич и в наши времена ведёт себя подобным образом, оказываясь совершенным мерилom человеческого достоинства, благородства духа, любви к Родине и — таланта. Для некоторых имя Пушкина — повод для бессовестного самопиара, демонстрации собственной значимости. Во времена засилья китча и отсутствия в республике института литературной критики можно тоннами безнаказанно штамповать бездарные посвящения поэту. Для других поэзия Александра Сергеевича — безусловный камертон души, мастерства, лекарство от пошлости и самодовольной ограниченности. Тема русской литературы, поданная по-своему в стихах поэтов разных поколений, пишущих в Молдове по-русски, — одна из красок многогранного образа Родины.

Мир бы рухнул
От взрыва, от бури,
Развалился бы наверняка,
Но стоит он на Литературе,
И она его держит пока.

Н. Сундеев.

За тридцать лет оторванности — физической — от России границами и таможнями изменилась не только политическая карта мира. Изменилась поэзия. Русская поэзия Молдовы — разительно. Не ставя перед собой сейчас задачу глубоко исследовать этот вопрос, замечу только, что, несмотря на декларированную свободу и фактический “безвиз” (при наличии румынского гражданства, коим — принципиально! — большинство из русских поэтов не обладает), поэтическое время и пространство в наших стихах — за редким исключением — скукожились, как шагреневая кожа. Порой до пространства собственной души. До пространства пяди земли, которая ещё осталась под ногами. Мы разительно отличаемся от поэтов прошлого века, живших, как оказалось, в “империи зла”. Поэты последней четверти прошлого столетия запросто кочуют по святым литературным местам России. В стихах шестидесятников прописались Ленинград, Москва, Болдино, Таруса, Константиново, Бежин луг, Михайловское — то, чего напрочь лишены русские поэты Молдовы ныне. Пишущие много читают и живут впечатлениями от вечных книг, без которых, похоже, уже и невозможно понимание Родины:

Всё те же дни покорности и сна,
Всё те же мятежи на переломах,
Всё та же всероссийская весна,
Где всё своё — Печорин и Обломов...

А. Коркина.

Лирика поэтов шестидесятых-девяностых годов несёт приметы русского модернизма. Стихи “гипертекстуальны”: здесь и осмысление античности (Р. Ольшевский), и века восемнадцатого — наследия М. Ломоносова, Г. Державина (В. Ткачёв, В. Костишар), и переключки со светоносным девятнадцатым — Е. Баратынским, А. Пушкиным, М. Лермонтовым, А. Фетом, Ф. Тютчевым (В. Костишар, И. Ремизова, И. Нестеровская), и с горчачими страницами двадцатого — И. Анненским, А. Блоком, И. Буниным, А. Ахматовой, В. Хлебниковым, С. Есениным, Н. Заболоцким, Н. Рубцовым (Н. Савостин, А. Коркина, Н. Сундеев, А. Милых, В. Костишар, О. Рудягина). Из века в век протянуты нити главной “русской” темы служения Отчизне, назначения поэзии и поэта.

И шмель звенит над выгнутым листом,
И можно вспоминать друзей, о боже,
И думать об Овидии, о том,
Что разные века, а судьбы схожи...

Р. Ольшевский.

Шестидесятые годы “оттепели” с их упоительным духом свободы, раскрепощения, жаждой самопознания, настойчивым поиском идеала были очень близки пушкинскому мироощущению. Молдавия, которую помогали отстраивать и возделывать в послевоенные годы специалисты разных национальностей, направленные сюда со всех концов необъятного Союза, расцветала. Гордость за плоды созидательного труда на возрождённой земле отождествлялась с гордостью за победившую фашизм страну, сердце которой находилось в Москве, возвращала к событиям недавней и далёкой истории. Особенно близким становился образ молодого Пушкина, его бесстрашие, вольнолюбивый, неукротимый нрав, гуманизм и любовь к людям, населяющим этот край. Появляются циклы стихов, посвящённые Поэту и его бессмертным произведениям. Особое обаяние южного края, влюблённость в леса, холмы и долины, завещанная Пушкиным, пронизывает стихи русских авторов. Имя Поэта — символический звёздный мост, соединяющий Россию и Молдову.

Старейший русский писатель страны Николай Савостин на протяжении всей жизни неизменно обращается мыслями и чувствами к любимейшему из поэтов, которому когда-то *“Кишинёв за все его утраты / Вновь дал надежду, дал тепло и кров”*, который *“о Кишинёве не вздохнуть не мог”*.

Готовя этот материал, я неожиданно наткнулась на совершенно не типичное для Николая Сергеевича стихотворение – “Двое”. Обычно он на подобном мраке и натурализме не акцентирует внимание. Но здесь... Представьте: 70-е годы прошлого столетия. Вору вскрывают старинный склеп в поисках антикварных украшений. Как можно несколькими словами обрисовать и противопоставить давний беззащитный мир красоты, благородства и любви – нахрапу бестрепетной алчности?

В склепе кости княгини-старушки,
И в листе шелестят над нею
Те стихи, что ей, юной, Пушкин
Написал, обучаясь в Лицее.
Ну, а этих листва лишь тревожит:
Не понять им, что в шелесте этом.
И гуляет мороз по коже,
Сумасшедшим трудом разогретой.

Размышляя о судьбах человечества, дорогих сердцу России и Молдовы, о современном засилье бездуховности и повсеместной попсовой пошлости, Николай Савостин, печалась, черпал силы, вдохновение и оптимизм в нетленных строках русского поэта. Ему посвящены циклы стихотворений, сборник очерков “Вниманье долгих дум”, “Этюды о Пушкине” (в книге “Честь поэтов”). И для год назад покинувшей землю Александры Юнко – старожилы Пушкинской горки (“Colina Pușchin”) – старого кишинёвского района, где расположен дом-музей, тема А. С. Пушкина давно стала привычной и безусловной, как дыхание. Помимо стихов, на протяжении ряда лет она регулярно печатала в газете “Русское слово” лирические эссе под рубрикой “Мой Пушкин”. Живая связь времён, свежие, неожиданные открытия, к которым её приводят раздумья над строками и фактами биографии Александра Сергеевича, вызывали заинтересованный отклик читателей. Пушкин Юнко – живой, дерзкий, отчаянно непохожий на “канонический” образ, заученный в школе.

Стреляться в полдень; на дуэли
Дразнить надутого глупца,
От смеха сдерживаться еле
При виде важного лица,
Под дулом стоя, напевать,
Вишнёвой косточкой плевать.
...
На дружеской пирушке в полночь
Поднять шампанского бокал
За просвещение, за вольность,
За всех, кто вдруг сюда попал...

... О, оказалось, это невероятно интересная тема – жизнь Поэта в произведениях значительных русских поэтов Молдовы, – нашёптанные им мотивы, реминисценции, размышления, поиск пушкинской гармонии и прекрасная неисчерпаемость. В смутные 90-е годы обрушения системы ценностей имя Пушкина оставалось, безусловно, неколебимой вершиной, не поправленным идеалом, “лучом света в тёмном царстве” разгула низменных страстей. Для поэтов, оставшихся без Родины, Отчизной, землёй обетованной станowiąтся Пушкин, мысли о нём хранят от отчаянья:

Если бы я была Пушкиным,
Я бы написала целую вселенную...
...
Подвал, доверху набитый
Сундуками с золотом,

Я бы вместила в маленький кошелёк
С гербом России...

И. Нестеровская.

Интересно, что, если лет “надцать” назад на этом пространстве, от России отпавшем, вернее, насильно оторванном от неё, в произведениях поэтов личность великого Поэта выростала безусловным символом России, то сегодня мне всё чаще кажется, что в русской литературе здесь Александр Сергеевич обрёл совершенно таинственную самостоятельную жизнь, крепко-накрепко породнившись с молдавской землёй и всеми нами, словно в самом деле многочисленным потомством. Пушкин теперь – примета не только России, которую большинство из нас знает лишь виртуально, но и выстрадавшей родины – Молдовы. Вдумчивое и бережное отношение Александра Сергеевича к фольклору, в частности, к молдавскому, органично и для русских поэтов, которые проникаются мелодиями и преданиями древней земли, вплетают в свои строки слова молдавской речи. Представитель великой державы, многонациональной и многоконфессиональной, Пушкин с интересом и уважением относился к творчеству и обычаям людей, населяющих Бессарабию, вслушивался в неизбывную печаль дойны*, при звуках зажигательного жока** народных гуляний не мог устоять на месте, пускался в пляс! Поразившая воображение молдавская песня “Чёрная шаль” – в его переводе – навсегда прописалась в собраниях сочинений. Именно поэтому А. С. Пушкин официально считается первым собирателем молдавского фольклора. А это даёт такой простор для воображения поэтам новых времён! Здесь, у нас, дышится Александру Сергеевичу привольно, и сердце наполняет радость. Его радость!

Где тот блокнот, в который записал
Поэт опальный слов чужих звучанье,
Где слышно ветра юга колыханье
И скрипок вольных терпкое дыханье,
И флуер, и цимбалы, и кавал?

О. Рудягина.

И правда, мы счастливики! У нас, кроме уникального дома-музея, Благовещенской церкви, которую он посещал, улиц, помнящих звук его шагов, ещё есть живописное село Долна. А там – восстановленная после перестроечной разрухи, благодаря настойчивому желанию молдаван-жителей села, воле и всемерной помощи посольства Российской Федерации – усадьба помещика Ралли, где счастливо гостил Александр Сергеевич. Где, блуждая по окрестностям, встретил цыганский табор и пленительную смелую Земфиру, ставшую прообразом героини “Цыган” (и, кстати, – знаменитой Кармен Проспера Мериме), с которыми, не раздумывая, позабыв всё на свете, ушёл Поэт на две недели кочевать.

Каждый год 6 июня караван автобусов с горожанами устремляется в Долну, где в честь поэта звучат стихи и песни, – на праздник, к которому сельчане готовятся целый год, а затем гостеприимно распахивают ворота усадьбы и встречают гостей белым хлебом и красным молдавским вином. Без этой поездки для иных горожан и лето – не лето, не в радость, и год – неполноценен.

Ушёл — тропа легка?
Ушёл — и был таков...
Ах, полно же, не плачь.
Ах, Долна, не горюй,
А положи калач
Вблизи бегущих струй,
А расстели ковёр,
Вином налей кувшин...

А. Юнко.

* Дойна – молдавская протяжная печальная песня, признанная ЮНЕСКО мировым достоянием.

** Жок – быстрый народный молдавский танец.

С 2014 года мы проводим единственный в Республике Молдова фестиваль русской литературы с именем “Пушкинская горка”, инициированный Ассоциацией русских писателей Республики Молдова и поддержанный Российским центром науки и культуры в Кишинёве, столь изумляющий гостей фестиваля – известных литераторов, руководителей писательских организаций и редакторов знаменитых журналов – преданностью наших сограждан памяти “солнца русской поэзии”. Гости из России, Республики Беларусь, Украины и Болгарии неизменно увозят с собой особое очарование моей Молдовы и, смею заметить, лёгкое потрясение от того, как преданно тут почитают Александра Сергеевича...

Солнцем поэтической вселенной поэтессы Валентины Костишар, уроженки сурового Архангельского края, работавшей всю жизнь учителем русского языка и литературы в Кишинёве, безусловно, является Пушкин. На чём бы ни останавливался её лучезарный взор, где бы ни кружила фантазия, центр притяжения, сердце её поэзии – он!

Есть у лета июнь,
Соловьи и кукушки.
Есть у времени даты,
Есть счастливые дни.
Есть на свете Россия,
У России есть Пушкин,
И божественный гений
Её душу хранит.

Книгу дивных романсов на Валины стихи написал безвременно ушедший Сергей Пожар – уникальный музыковед, публицист и композитор, неутомимый пропагандист музыкального искусства Молдавии и творчества А. Пушкина и М. Эминеску.

Сегодня “дежурная”, захватанная и, к несчастью, часто обесцененная школьной муштрой и официозным бряцаньем любовь к поэту сменилась для одних – новым яростным желанием “сбросить Пушкина с корабля современности”, другим же посчастливилось осознать уникальность и значимость человека, создавшего русский литературный язык, впервые заставившего зазвучать его в полную силу необычайной красоты. “Милость к падшим призывать” ныне не актуально, однако, что бы ни придумывали ненавистники Александра Сергеевича и местечковые дантесы, а ничего не могут поделать со всё более очевидной современностью и нерушимой гармонией его произведений.

Шарж волшебной Татьяны Некрасовой обыгрывает верную примету жизни, когда, таща на себе все житейские обязанности, окликает женщина с усталым укором не подставляющего плечо, филонающего близкого человека: “Кто же это сделает? – Пушкин?” (а, может, окликает она саму жизнь, которая перегружена обязанностями и не оставляет никакого пространства и времени для “чудных мгновений”, часто предлагая исключительно разбитые корыта в ассортименте).

Можно, конечно, пожуричь поэтессу за подобную приземлённость, а можно понять это родственное панибратство с Александром Сергеевичем как спасение:

Пушкин сходит за хлебом,
Пушкин выбросит мусор,
и на Пушкина с неба
вдруг спикирует муза:
эlefанта-сильфида
в лавке быта посудной —
и корыто разбито,
и мгновение чудно.

Я знаю, что Александр Сергеевич иногда... приходит во снах, заставляет прислушаться поэта к себе, можно сказать – направляет, выстраивая неожиданные сюжеты стихов. Наверное, именно так он нашептал таинственное стихотворение “Сказка на ночь” Наталье Новохатней – о себе, о маленьком, о незабвенной няне своей:

...И польётся, и помчится,
 Про царя да про царицу,
 Про прекрасную Жар-птицу,
 Про Кашееву иглу,
 Что на острове Буяне,
 Про Добрыню, про Полкана,
 Про крестьянского Ивана,
 Про лягушку, про стрелу...
 ...
 Померещилось, приснилось,
 Сгнуло давным-давно...
 Но пока — лишь ночь да сказки.
 Вот уже сомкнулись глазки.
 Горько плакала свеча.
 О героях ли могучих,
 О судьбе ли неминучей,
 Что ударит сгоряча
 Злобой, сплетнями, наветом
 И дуэльным пистолетом...
 Чур меня, молчи-молчи!..

Зима отмечена для нас пушкинской метой. И непременно в один из февральских дней к памятнику Пушкину стекается в парк народ, ему несут цветы и стихи — его собственные и — горожан. Здесь и лицеисты в костюмах пушкинской эпохи. И непреходящий ряженный в пушкинских бакенбардах высокопарно декламирует бессмертные строчки, театрально вскидывая руки...

Я иногда думаю, не надоели ли Поэту это почитание, эта суета? Умный, ироничный и не терпящий пошлости человек же был. Гляну ввысь на склонённую главу, слушающую не раздосадовано и отрешённо, но внимательно, почувствую — нет! Не надоело... Сам же предрёк: *“Не зарастёт народная тропа...”* Вот и терпи теперь. Не зарастает! А мы искренне горюем 10 февраля. И несём калач и вино *“за поману”**, и заказываем в русском Свято-Георгиевском храме панихиду. Как за родного человека. И настоятель храма отец Николай Флоринский с братией обязательно в этот день её проводят — светло и торжественно.

Последняя дуэль Пушкина воспринимается и сегодня живущими как поединок чести — с бесчестьем, благородства — с подлостью, непреходящих ценностей глубинного православия — с целенаправленным духовным растлением безверия, и — глобально — как поединок России с двуличным, агрессивным Западом, о чём ещё в середине прошлого века высказался поэт А. Ренин:

Враг России поднял пистолет.
 Ох, какая тёмной ночи плата!
 Отойди от скорбного квадрата,
 Неизбывна горькая утрата,
 что не позабыть и в тыщу лет...
 ...
 На Руси, в Москве и по Уралу
 Не хватило крови в капиллярах
 В час, когда Отчизну обирала
 Злоба, застилавшая рассвет.

Олег Максимов, входивший в Кишинёве почти тридцать лет назад в самое ядро Ассоциации русских писателей Молдовы, основанной Николаем Сундеевым, на мой вопрос о его *“пушкинских”* стихах ответил мне на днях из Сибири: *“Есть отменное стихотворение, единственное, что пришло ко мне во сне и которое я вставил в книгу без единой правки! Снилось много и казалось (во снах) прекрасным, но восстановить (наяву) ничего не выходило...”*

* *“На помин души”* — обычай давать знакомым и соседям еду, одежду, посуду, чтобы помянули умершего родственника.

А вот посвящённое Пушкину увидел (или услышал), проснулся и записал без правки хотя бы единого слова!”

... Но как же хочется разорвать эти временные покровы, словно матерчатый задник театральной оснеженной декорации оперы “Евгений Онегин”, и выскочить на сцену, где вот-вот прогремит роковой выстрел: оттолкнуть, заслонить его собой!

Броситься бы вслед, кинуться бы в снег, в ноженьки,
за пальцы хватать, пальцы лобызать смуглые,
в голос причитать, в судьи деток звать, боженьку,
каяться и лгать, но не отпускать в мглу его!

О. Рудягина.

Пушкин навсегда поселился в нашем воображении и проживает в нём параллельные жизни. И — кто знает! — быть может, в тот роковой миг померещилась поэту напоследок наша горячая терпкая земля, как в стихотворении “Южная ссылка” Леонида Поторака, написавшего в 17 лет:

Но — пора. Всему приходит время.
Снег летит. Давно забыто лето.
Секундант заснеженный отмерил
Десять медленных шагов до края света.
“Господа, пора стрелять. Забыли?”
И рванулся искрами из дула
Скрип телег и запах летней пыли;
Снова в южном зное степь уснула...

... Каждый из нас переживает историю жизни и смерти Александра Сергеевича заново. Каждый, серьёзно погружившись в его стихи и прозу, навсегда становится поэту другом и защитником.

В заключение этих размышлений хочется привести цитату из моей же статьи для одесского журнала “Южное сияние” наших верных друзей из Южно-русского Союза писателей, написанной по следам “Пушкинской горки”, прошедшей в 2018 году. Я так долго искала эти слова: “... Пушкин спасает нас от амнезии. Нас кодируют: “Не было ничего до 90-го года! Всё лучшее начинается с Великого национального собрания”. Вырубают повсеместно старые деревья, сносят исторические здания, дабы отшибить память, переписывают историю, перекалывают ежесезонно золотоносную плитку... И вроде бы и правда — ни прошлого, ни будущего, — этот ждущий хлеба и зрелищ, на себя почти не похожий город завис в безвоздушном пространстве... А откроешь томик Пушкина и — о, счастье! Да ведь было, было, да ведь есть! И мы с вами есть! И прошлое! И голоса наших мам и бабушек, читавших нам, маленьким, вечные его “Сказки”. И есть чем дышать! Мы вместе пережили колоссальное потрясение — развал огромной страны. Мы вместе собирали себя из осколков разлетевшейся жизни. Мы вместе — каждый в своей стране — нащупывали в трясине лжи и мерзости безвременья острова твёрдой почвы под ногами. Мы хватались за воздух. Мы нашли! Самое прочное в этом мире — то, что не предаст, не исчезнет, не покинет, то, что невозможно вырвать из сердца, — Слово. Как оказалось, самое надёжное в этом ускользающем мимикрирующем безжалостном лукавом мире — поэзия. От колыбели — до последнего земного причала. “Но лишь Божественный глагол до слуха чуткого коснётся”!

Да здравствует Пушкин!